

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ЛЮБИТ

*Труд - 1996 -
16 мая -
с. 5*

«Вы и посмертная слава — две его верных вдовы», — так сказал поэт о Маргарите после смерти Мастера. Наверное, многие читатели «Труда» прочли с интересом очередную публикацию Руслана Киреева под рубрикой «Уроки любви» — о возлюбленной и жене Михаила Булгакова Елене Сергеевне Булгаковой. («Последний полет», «Труд», 5.04.96 г.). Но интерес к этой публикации поэта Николая Доризо — особого свойства, ибо он хорошо знал эту женщину. Познакомившись с ней, когда она была уже вдовой, он был дружен с ней в последние годы ее жизни, что дает ему право продолжить рассказ об этой удивительной женщине, до конца оставшейся верной своей любви.

Мне, молодому тогда поэту, не довелось знать лично Михаила Булгакова — с его женой Еленой Сергеевной я познакомился и позднее подружился уже после его смерти. Долгое время я любил ее издали — ее поразительной женственностью, ее нестарющей прелестью. Глядя на нее, я понимал: Булгаков с его изысканно тонкой душой не мог не любить эту Елену Прекрасную, и она, такая, какой была, не могла не любить Мастера. Они были гармонично созданы друг для друга. Я глубоко убежден: лучшей жены и... лучшей вдовы у писателя быть не может.

Знакомство мое с Еленой Сергеевной началось со стихов, которые я в порыве почтительной юношеской влюбленности в эту необыкновенную женщину посвятил ей. Стихи эти были напечатаны в журнале «Юность». В них были такие строчки:

... Вы и посмертная слава —
Две его верных вдовы

Восторженные юношеские стихи... Я благодарен им за то, что они стали поводом для знакомства с ней. Мы встретились в Малеевке, в Доме творчества. Она обратилась ко мне так естественно и просто, и мы проговорили весь вечер, гуляя по лесным осенним дорожкам. Я тогда впервые увидел Елену Сергеевну так близко и поразились неувядаемой красоте ее лица. Меня совершенно покорила ее непринужденность. Есть такие женщины, которым даже в пору уже далеко не первой молодости все позволено, для которых все оправдано, все можно. Такой, например, была жена классика немецкой литературы Леонгарда Франка, в доме которого в Мюнхене мне довелось однажды побывать.

В то время Леонгард Франк был величественным стариком, и жена его была не намного моложе его, но она вела себя по-молодому свободно и раскованно. Стройная, подвижная, с блестящими глазами и ослепительной улыбкой, она о чем-то весело болтала, и я, недостаточно хорошо знавший немецкий язык, с трудом улавливал, о чем идет речь и, наоборот, отвечал невпопад. Но благодаря ее пленительной дружелюбности, не чувствовал от этого никакой неловкости и даже не смутился, когда она легко и грациозно, как стрекоза на ветку, присела на подлокотник моего кресла. Возможно, сделай это другая в ее возрасте, она выглядела бы смешно — ведь ничто так не старит пожилую женщину, как наигранное молодежью кокетство. Но в том-то и дело, что никакого кокетства не было, тем паче — наигранного. Она была такой, какой была, и иною быть просто не могла. Все у нее получалось естественно и мило. И только дурак или пошляк мог узреть в ее поведении непристойную развязанность.

К этой категории женщин относилась и Елена Сергеевна Булгакова. Я не переставал любоваться ее природной грацией, свободой и красотой ее движений, игрой лица. Я был лет на сорок младше нее, но, поверьте, я был в нее влюблен. Эта влюбленность была выше возраста, выше бытовой реальности. Она не могла принести несчастье — она могла даровать мне только радость духовного обогащения красотой. Я был влюблен в ее легкую, летящую походку, в ее порою искрящиеся лукавством глаза, я был влюблен в ее любовь к Михаилу Булгакову,

о котором она мне часто и много рассказывала. Но более всего я был влюблен в ее вдовой подвиг, спасший от забвения великие творения Мастера.

Не только внешнее очарование покорило в ней, но и ее щедрость по отношению к друзьям, ее юмор и деловой практицизм. Она с такой же легкостью тратила пришедший к ней, вдове писателя, ставшего всемирно знаменитым, материальный достаток, с какой переживала каждодневную изнуритель-

ную нужду, вела «жизнь взаимы», будучи его женой. О тех годах она часто рассказывала мне, особенно о последних, прожитых с Михаилом Афанасьевичем, когда его совершенно перестали печатать и пьесы убрала из репертуара театров. Рассказала мне Елена Сергеевна и об одном мало известном факте из жизни Мастера.

... Доведенный до отчаяния унижениями и нуждой Булгаков обратился к Сталину с письмом, в котором просил «вождя народов» помочь ему. Через несколько дней в квартире Булгаковых раздался телефонный звонок. Трубку снял Михаил Афанасьевич.

«С вами будет говорить товарищ Сталин», — сказали ему. Елена Сергеевна вспоминает, как он изменился в лице и как его волнение сразу же передало и ей. Затаив дыхание, она слушала разговор мужа со Сталиным, который длился очень недолго. «Если у нас вам так трудно живется, — сказал Иосиф Виссарионович, — то, может быть, вы хотите уехать за границу?» «Нет, — твердо ответил Булгаков, — как бы трудно мне здесь ни жилось, я ни за что не покину Родину».

На том разговор и завершился. На следующий же день все изменилось, как по мановению волшебной палочки. Все издательства, которые и близко не подпускали Булгакова к своему порогу, наперебой предлагали свои услуги, просили принести рукописи, все театры сразу пожелали ставить его пьесы. И все это — после одного-единственного разговора с вождем. Булгаков никогда не был царедворцем и подхалимом. Но легко понять чувство его благодарности к человеку, одно слово которого восстановило справедливость, вернуло писателю все, что ему по праву принадлежало: сцену МХАТа — его пьесам, центральные изда-

тельства — его книгам. Движимый этим чувством, Михаил Булгаков в искреннем душевном порыве написал пьесу — «Юность Сосо» (позднее переименованную в «Батум»), повествующую о том, как начинался на Кавказе революционный путь молодого Сталина.

МХАТ с восторгом принял пьесу к постановке. Но по существовавшему тогда неписаному правилу, крупные произведения о жизни вождя — пьесы, романы, прежде чем стать «достоянием народа», давались на чтение Сталину. Вождь прочитал пьесу и... на этот раз иронически отнесся к столь привычному для него восхвалению своей личности. Позже стало известно, что он сказал по прочтении булгаковской пьесы: «Товарищ Сталин, когда он был юным Сосо, не был еще вождем народов, мудрым товарищем Сталиным». (Как известно, вождь любил говорить о себе в третьем лице.) Этого было достаточно, чтобы пьесе тотчас же сняли с репертуара.

Для Булгакова опять настали черные дни. Самое страшное, как мне кажется, было для него то, что он неожиданно для себя вы-

тво Булгакова как эталон. Не вызвать бы высочайшего гнева...

На вопрос — как быть? — мог ответить только сам Сталин, но он молчал, не вспоминая больше о Булгакове, а Елена Сергеевна не решилась обратиться к нему вторично — не только потому, что помнила завет мужа, — но и из опасения разгневать вождя и оказаться в местах не столь отдаленных. Но это не значит, что она отказалась от цели своей жизни. И тогда, и в последующие годы Елена Сергеевна продолжала настойчиво стучаться во все двери, добиваясь публикации трудов Мастера. С горечью и болью вспоминала она об этих годах.

Фадеев и другие секретари правления Союза писателей СССР приветливо встречали вдову Булгакова, говорили комплименты, обещали помочь. Но заговор молчания вокруг имени Михаила Булгакова продолжался. И, как известно, только в начале шестидесятых годов, благодаря доброй решительности Константина Симонова и его статье о Булгакове, был наконец опубликован в журнале «Москва» роман «Мастер и Маргарита». Позволил себе сослаться на близкого друга семьи Булгаковых Сергея Ермолинского, который вспоминает весьма колоритный эпизод, связанный с публикацией «Мастера и Маргариты», говорящий о характере Елены Сергеевны Булгаковой:

«Когда редакция журнала «Москва» решила печатать роман Булгакова «Мастер и Маргарита», к ней пришел представитель редакции с договором:

— Печатаем. Имеем основания думать, что это реально. Здесь указаны условия: 300 рублей за лист — наш обычный гонорар. Прощу подписать.

— Обычный? — высокомерно подняв голову, произнесла она. — Михаилу Афанасьевичу??? За «Мастера и Маргариту»??? И вдруг выпалила, как в полубреду: — 400!»

— К сожалению, я не уполномочен сказать, возможно ли это, — растерянно ответил представитель редакции. — Для этого понадобится особое разрешение.

Он ушел, и едва затворилась за ним дверь, как она метнулась за ним. Его уже не было. Он исчез. Господи, как же она так? Да ведь она даром, без всякого гонорара отдала бы этот роман, лишь бы напечатали! В любом журнале! Хотя в «Пожарном вестнике»!.. И она примчалась ко мне.

— Бей меня, — сказала она, швырнув сумку и даже не раздевшись. — Дура, дура! Что я надела! Знаю только одно, что наплевать на самолюбие, и бежать, звонить, умолять, завтра же, только бы не раздумали!..

Но звонить не пришлось — позвонили из редакции и сказали, что на ее условия согласны».

...Новый 1970 год мы встречали вместе в ее уютной квартире на Суворовском бульваре — Елена Сергеевна, я с женой и двое французских литераторов, гостивших в Москве. Мы веселились, шутили, вспоминали разные. Незримо присутствовал среди нас и Михаил Афанасьевич, чей большой портрет висел над диваном (который, кстати, служил Елене Сергеевне и кроватью.) С какой-то несвойственной ей грустью, хотя и с обычной улыбкой, она тихонько спросила меня:

— Скажи правду, Коля, я очень старая?

— Что вы, — совершенно искренне и без всякой лести возразил я, потому что и вправду не считал ее старой. — Вы молоды и прелестны...

Мог ли я думать тогда, что уже недалек тот день, когда из этой же квартиры мы будем провожать ее в последний путь — к своему Мастеру!

...Я стоял вместе со всеми у их общей — на двоих — могилы на Новодевичьем кладбище и, вспомнив тот наш разговор в памятную мне новгородную ночь, подумал: в свои 70 лет она умерла молодой, и я знаю, в чем секрет ее неувядаемой молодости: она — Женщина, которая любит.

Николай ДОРИЗО.